Ирма Гринева

Твоя жизнь и твоя смерть принадлежат мне

18+

из цикла «Карие глаза»

Ирма Гринёва

Твоя жизнь и твоя смерть принадлежат мне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69876901
SelfPub; 2023

Аннотация

Кареглазые женщины обладают природной красотой и страстностью натуры. Отсюда их влюбчивость и способность легко влюблять в себя. Они общительны и не закомплексованы. Сексуальность и чувственность – вот краеугольный камень их обаяния. А, в совокупности с их хитрым и изворотливым умом, находчивостью и энергичностью, не удивительно, что они столь уверены в себе, не так ли? Для любителей корейских дорам.

Ирма Гринёва
Твоя жизнь и твоя смерть принадлежат мне

ПРЕДИСЛОВИЕ

…Карие глаза встречаются примерно у 50% населения Земли.

Люди с карими глазами, отличаются импульсивностью, безудержной страстью, повышенной активностью. Они – лидеры. Они не терпят поражений и случаев, когда кто-то с ними не согласен: их мнение – единственно правильное, и никак иначе. Сексуальность, чувственность, обаяние – отличные дополнения к их личностным качествам.

Такие люди обладают природной красотой, отличаются умом, неугомонностью. Они не злопамятны, быстро прощают и забывают мелкие обиды. Карие глаза могут означать и некоторую ветреность: такие люди легко влюбляются, но столь же легко могут забыть объект своей любви.

Кареглазые леди необыкновенно быстро сходятся с людьми. Они общительны, не закомплексованы, уверены в себе «на тысячу процентов». Самооценка у них, в большинстве случаев, завышенная. Они этого, как правило, не замечают.

Кареглазые женщины неравнодушны к золоту, богатству, деньгам. Они хитры, умны, изворотливы, находчивы.

От грёз любви не отличим
Сочинение на тему «Как я провел лето»
Ради счастья, ради нашего, если мы хотим его…
Ох, и странные, эти русские! (*продолжение рассказа «Кошка, которая гуляла сама по себе» из сборника «Зеленые глаза»)*
И этим всё сказано
Сразу и навсегда!
Мой ангел смотрит на меня…
Уйти по-английски
От сердца к сердцу мост
Пришвартоваться в тихой гавани
Благодаря и вопреки
Перевоз Дуня держала…
От ненависти до любви и обратно
Свадебный хоровод Созвездий
Одним росчерком пера
Что обещает её лицо или Женя, Женечка и Катюша
Это он – мой Мужчина!
Если я король, ты будешь королевой!
Твоя жизнь и твоя смерть принадлежат мне.

Твоя жизнь и твоя смерть принадлежат мне

1

Хеджин[1] появилась в доме своего троюродного дяди ВонШика[2], когда ей едва исполнилось четыре года. Её семья умерла во время эпидемии оспы, и дальний родственник забрал малышку к себе. Она стала для него названной дочерью. И названной сестрой его единственному сыну Талталу[3].

Но не только родственные чувства и жалость к сироте подвигли господина ВонШика совершить сей милосердный поступок, а и тайная надежда, что его девятилетний сын, ушедший в себя, потерявший улыбку после смерти матери, которую унесла та же эпидемия, оживёт, отогреется сердцем рядом с такой же одинокой душой, как и он сам.

Надежды заботливого отца оправдались. В лице Хеджин Талтал приобрёл верного друга, надёжного товарища по играм и тренировкам. И даже на занятиях науками Хеджин была рядом. Смиренно ожидала в уголке комнаты, пока Талтал освободится от занятий с учителями.

И только, когда Хеджин исполнилось 11 лет, а Талтал, будучи уже взрослым шестнадцатилетним мужчиной и подготовленным воином, отправился в войско Его высочества наследного принца империи Когурё, ВонШик схватился за голову.

Хеджин через 2-3 года войдёт в детородный возраст, а вы-

глядит и ведёт себя как мальчишка. Очень метко стреляет из лука: её первая стрела точно поражает центр мишени, а вторая расщепляет первую. И это вместо стрел любви, которыми она, как девушка, должна поражать возможных женихов. Умеет метать ножи так, что они пуговицу срезают с одежды, не повредив ткань, вместо ловкой работы ножами на кухне. Да и вообще, готовить не умеет. Ни в специях, ни в грибах, ни в травах, ни в сочетаниях вкусов не разбирается. Разве что в лекарствах и в ядах. Зато, умеет читать, писать и считать. Знания бесполезные для женщины, и даже опасные. И всё это вместо умения вести домашнее хозяйство, вышивать, шить!

Может запросто вскочить на коня, мчащегося галопом, и полететь быстрее ветра. Лучше бы грациозно ходить умела, не говоря уже об умении танцевать. Да что танцевать! Она даже носить платья, делать прически, наводить красоту на лицо, подбирать драгоценности не умеет. Петь, играть на музыкальных инструментах – нет и нет. О, зато, превосходно стреляет дротиками из духовой трубки. Играет в го[4], сянци[5] и пай-гоу[6] вместо догонялок и пряток – традиционных игр кокетства.

И какое отношение её умения имеют к её будущей роли жены и матери?!? Да никакого. И ВонШик отобрал у Хеджин всё оружие и запретил появляться на конюшне. Велел вынести из её комнаты сундук с её мальчиковой одеждой и заменить на сундук с платьями. Нанял нескольких женщин, кото-

рые были призваны обучить Хеджин всему тому, что должна знать и уметь девочка её возраста, включая и науку обольщения, и удовлетворения потребностей мужчины в постели.

Хеджин на коленях, со слезами на глазах умоляла дядю вернуть ей оружие. Клялась, что будет продолжать заниматься тем, чему её научил Талтал, без ущерба тому, что хочет от неё ВонШик. Через 3 дня её упрямого коленопреклонения на улице под палящим солнцем днём и ночным холодом, без еды и питья, милосердное сердце дяди дрогнуло.

[1] – в переводе – «яркая, редкая, умная, благосклонная».

[2] – в переводе – «глава семьи»

[3] – мужчины с этим именем обладают сильным характером, они амбициозны и целеустремлённы. Обычно, они очень страстные и эмоциональные, но умеющие жёстко контролировать себя.

[4] – настольная игра, в которой игроки пытаются окружить фигуры своих противников на доске своими собственными фигурами, чтобы «захватить» фигуры противников. Выигрывает игрок, захвативший наибольшее количество территории на доске (*из Википедии*)

[5] – настольная игра, имеющая сходство с шахматами (*из Википедии*)

[6] – азартная игра в домино, в которой цель состоит в том,

чтобы собрать четыре плитки с числами, в сумме равными девяти или более (*из Википедии*)

2

Два прошедшие года сильно повлияли на Талтала. Учебные бои ещё больше укрепили его тело. Бои настоящие закалили дух. И никакие тяготы и лишения не отвратили его от мечты служить императору именно по военной стезе. Служить в палящий зной и лютый холод, под проливным дождем и при пронизывающем ветре. Укутываясь в дорожный плащ, чтобы хоть немного согреться и заснуть, дать отдых своему измученному телу, а под закрытыми веками видеть картину поля сражения, усеянного трупами. А в ушах слышать крики раненых, стоны о помощи, мольбы о пощаде. И среди них тех, с кем ты ещё вчера делил еду в одном котелке. Тех, с кем несколько часов назад внимал командиру, произносившему пламенную речь перед боем о чести и долге умереть за императора. С кем ещё полчаса назад мчался бок об бок на коне с отвагой в сердце и жаждой в душе выполнить свой долг и умереть с честью, как подобает мужчине.

Военная карьера Талтала складывалась удачно. Всего за 2 года он прошёл путь от обычного байху[7] до цяньху[8]. Затем стал дубин[9]. А в последнем, решающем сражении с тюрками на южных границах Когурё уже был биньбэйцяньши – помощником главнокомандующего. А главнокомандующий

у нас кто? А главнокомандующий у нас сам Его высочество наследный принц империи Когурё – ХунЮн[10]. Да благословит Его Небо! Да дарует Ему Будда долгих лет жизни!

Собственно говоря, план разгрома тюрок придумал Талтал. Это он придумал еженощно будить, не нападая, становище врагов с помощью сюаньгу[11], тулумбасов[12], трещоток бань, чтобы не высыпались не только люди, но и лошади. И он же продумал, где установить секреты вдоль маршрута, по которому войско тюрок увлечёт за собой, якобы, отступающие силы Когурё.

План сработал. Секреты отрезали по небольшому отряду от основных сил тюрок и громили его с помощью лучников, метателей ножей и дротиков. Тактика называлась «откусывать по кусочку хвост ядовитой змеи». Головной отряд тюрок, охваченный азартом вот-вот догнать и разгромить армию Когурё, не замечал, как уменьшается «хвост ядовитой змеи». А, когда выскочил на открытое пространство, оказался в окружении – отступающий отряд когурейцев неожиданно развернулся и сам бросился на них в атаку, сзади подоспели «секреты», которые уже справились с разгромом кусочков войска тюрок, а в воздухе опять загудели сюаньгу, тулумбасы и трещотки бань. Лошади, благодаря именно этим звукам измотанные бессонными ночами, начали взбрыкивать, становиться на дыбы и сбрасывать своих хозяев наземь. Тюрки были разбиты наголову. Многих удалось взять в плен, в том числе и их вождя.

За эту победу Его высочество принц ХунЮн предложил Талталу самому выбрать себе награду. Талтал мог бы попросить звание генерала, или жёлтую шапку[13] с павлиньими перьями и драгоценным нефритовым хуалинем[14], или крупное денежное вознаграждение. А попросил месячный отпуск, чтобы съездить домой. Деньги что? Пыль, ветер. Вот они есть, а потом один миг – и их нет. Шапки носят при императорском дворе, а голову воина должен украшать шлем. А звание генерала от него никуда не денется. Рано или поздно будет Талтал генералом, а то и главнокомандующим всех войск империи Когурё. А вот возможности обнять отца, повидать сестру он может в любое мгновение лишиться. Чей-то вражеский нож, меткая стрела, отравленный дротик, острый цзянь[15], длинное копьё – и нет Талтала.

Его высочество в отпуск Талтала отпустил. Мало того, пожелал вместе отправиться к нему домой и провести там целый день. Разве может быть лучше награда? Только Его высочество приказал называть Его в дороге и дома просто по имени – ХунЮн, и ни в коем случае не предупреждать о приезде семью.

[7] – командир воинской сотни

[8] – тысячник

[9] – военачальник

[10] – в переводе – «принц-дракон»

[11] – подвесной барабан

[12] – инструмент в форме горшка или цилиндра, сделанный из металла, глины или дерева, верх которого обтянут толстой кожей. Его гулкий и низкий, но необычайно громкий звук издалека напоминает выстрел из пушки.

[13] – видный знак отличия. Вещи чистого жёлтого (императорского) цвета запрещалось носить под страхом смертной казни без личного дозволения императора.

[14] – держатель

[15] – обоюдоострый меч

3

Поначалу имя принца ХунЮн без полагающегося титула у Талтала никак не выговаривалось. А ещё он волновался, как сложится день с семьёй, которые не предупреждены о приезде гостей и не будут знать кто перед ними. Но потом он успокоился. Судя по той лёгкости, с которой Ловенсу [16] – ближайший друг и соратник Его высочества, перешёл на общение с принцем только по имени, и тем словам, которыми они перебрасывались в дороге, вспоминая «прошлые времена», такие перевоплощения принц проделывал не раз.

Нарушая все законы гостеприимства, Талтал первым зашёл во двор собственного дома, поскольку ещё за воротами услышал странные звуки, очень похожие на битву на палках.

Так и есть! Во дворе, подняв тучи пыли на деревянных мечах дрались двое. Высокий крепкий парень и паренёк пониже и потоньше, ещё совсем мальчишка. Причём, мальчишка яростно атаковал, подпрыгивая и пританцовывая, а верзила еле успевал отмахиваться. Парня Талтал не узнавал, а мальчишку признал сразу – сестренка, Хеджин. Но как?! Ведь ещё два года назад Талтал получил от отца гневное письмо, в котором он выговаривал сыну за то, что превратил сестру в мальчишку, и уведомлял, что отныне сам будет заниматься воспитанием из неё девушки.

Талтал в растерянности оглянулся на гостей и увидел горящие весельем глаза принца и полные скуки Ловенсу. И, кстати, охрана принца, которая сопровождала их всю дорогу, где-то растворилась, как будто её и не было. ХунЮн подал знак хранить молчание и Талтал покорился. Будь что будет!

Тем временем, диспозиция на поле боя поменялась, и теперь уже Хеджин оказалась лицом к воротам, а не её соперник. Она вскрикнула, увидев брата, и опустила меч. Парень гостей не заметил, и меч, занесённый над головой Хеджин, неминуемо разбил бы ей голову, если бы не её реакция. Она отмахнулась от меча соперника, как от мухи, и побежала к воротам с радостным криком:

– Брат!!!!!

Не добежав нескольких бу[17], остановилась, как вкопанная, заметив ещё двух человек за его спиной. Гости! А она их встречает с мечом в руках, да ещё в мальчишеской одеж-

де! Дядя ВонШик с неё живой шкуру сдерёт!

Хеджин отбросила меч в сторону и отвесила каждому глубокий поклон:

– Простите, господин!

– Простите, господин!

– Прости, брат!

И так и осталась стоять в низком поклоне, пока к ней не подошёл один из гостей и велел поднять голову.

– Не за что просить прощения, мой юный воин! Подобные занятия достойны только похвалы!

И, не отрывая весёлого взгляда от Хеджин, обратился к стоящему за спиной Талталу:

– Тантал, ты нам не говорил, что у тебя есть родной брат!

Талтал только набрал воздуха ответить, что не брат, а сестра, как Хеджин ответила за него. Она совершенно не боялась и не стеснялась такого весёлого и очень красивого молодого мужчину, что придало ей смелости:

– Мы названные, господин!

– И как же тебя зовут названный брат Талтала?

– Хеджин[18], господин!

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, господин!

– Хеджин, и что же ты ещё освоил из боевых искусств?

– Я владею стрельбой из лука, метанием ножей и дротиков из духовой трубки не хуже, чем мой учитель, господин.

– Хороши же твои умения, если твой учитель владеет лу-

ком, ножами и дротиками также прекрасно, как сражается на деревянных мечах! – раздался насмешливый голос второго гостя.

Хеджин гордо вскинула голову, не смотря на то, что её лицо пошло красными пятнами, сжала руки в кулаки, а глаза её потемнели до черноты («Хороший будет воин в будущем», – подумал принц) и холодно отчеканила:

– Мой учитель – брат Талтал, а не Ёна[19]!

– Талтал – опытный и умелый воин. Ты не боишься подвести своего учителя столь смелым заявлением? – поинтересовался первый гость. Задал вопрос вроде бы серьёзно, а в глазах его продолжали плясать лукавые искорки, – Докажешь?

– Докажу, господин! – упрямо ответила Хеджин, прямо глядя ему в глаза.

– Прекрасно! – воскликнул гость и хлопнул в ладоши, – Соревнования!

«Если отец пожалеет Хеджин, я выпорю её собственноручно! – подумал Талтал, – Когда принц уедет».

Между тем, Хеджин обернулась, подозвала Ёну и шёпотом отдала ему какие-то распоряжения. Талтал успел ухватить Ёну за рукав, когда тот убегал, и тихонько спросил: «Где мой отец?» «Господин ВонШик уехал по торговым делам. Вернётся завтра, господин», – ответил слуга, поклонился и побежал выполнять поручения госпожи. «Так вот почему Хеджин одета мальчиком – воспользовалась отсутствием отца, и устроила себе дополнительную тренировку», – понял

Талтал.

[16] – в переводе – «амбиции»

[17] – единица длины, чуть больше одного метра

[18] – имя относится к разряду универсальных, которыми называют и девочек, и мальчиков.

[19] – в переводе – «золотое сердце»

4

Во дворе установили три мишени. Ёна принёс четыре лука с тремя стрелами к каждому и раздал присутствующим.

– Почему мишеней только три? – пробурчал недовольно Ловенсу.

Он вообще был недоволен складывающейся ситуацией. И этот наглый мальчишка, так дерзко разговаривающий со взрослыми. И причуды принца, уцепившегося за это развлечение. Мало что ли подобных «развлечений» у них было на полях настоящих сражений? Да и стрельба из лука не была сильным местом Ловенсу.

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, господин! – поклонилась Ловенсу Хеджин.

– Хватит ворчать, Ловенсу! – остановил товарища ХунЮн и лукаво добавил, – Скоро сами всё увидим и поймём.

Принц знал, что Талтал спокойно поражает стрелой стре-

лу. И также знал, что мастерство в стрельбе из лука Ловенсу сильно отстаёт от мастерства Талтала. Если мальчишка хотя бы один раз сделает так, как его учитель, он сам, ХунЮн, будет ему аплодировать.

Талтал стрелял первым. Первой стрелой он метко поразил самый центр круга. Остальные две вогнал друг в друга. На его мишени осталась торчать только одна стрела. Следующим стрелял Ловенсу. Он превзошёл сам себя! Все три его стрелы были разбросаны в разные стороны, но хоть торчали в мишени, а не за её пределами. ХунЮну первый раз в жизни удалось одну стрелу вогнать в другую, а третью положить совсем рядом. Так что у него на мишени осталось торчать две стрелы.

Подошла очередь стрелять Хеджин. Она, как будто особо и не целясь, вогнала свою стрелу в единственную стрелу на мишени Тантала. Тут же сделала 2 шага, оказавшись перед мишенью Ловенсу, и без пауз поразила все 3 его стрелы, расщепив их на две одинаковые половины. И тоже самое сделала с двумя стрелами принца! На всё это у неё ушли какие-то секунды!

ХунЮн зааплодировал. У Ловенсу натурально отвисла челюсть. А Талтал, хоть и сердился на сестру за устроенный спектакль с переодеванием, но испытывал искреннее чувство гордости за мастерство своей ученицы.

Для соревнования по метанию ножей из дома вынесли деревянный стол, поставили его набок, превратив в мишень. Обрисовали на нём контур Ёны, стоящего с расставленными в стороны руками и ногами. Договорились, что метать будут по четыре ножа. Двумя нужно будет попасть точно подмышки, третьим между ног, четвёртым – над головой. Чем ближе к контуру, тем лучше.

Первым метал ножи принц. В принципе, своим результатом он остался доволен. Три ножа легли так близко к контуру, что между лезвием и линией едва можно было прочертить ещё одну. А вот четвёртый нож… если бы Ёна был на месте, то… нет, он бы остался жив, но без кожи на голове.

Следующим метать ножи выпал жребий Талталу. Он уже встал наизготовку, когда раздался голос Ловенсу:

– Предлагаю изменить правила! Что для таких мастеров, как Талтал и его ученик Хеджин, метать ножи в мишень?

– Что ты предлагаешь, Ловенсу? – не понял ХунЮн.

– Если, уж, факиры на площадях развлекают толпу метанием ножей в живого человека, то неужели признанным мастерам это не под силу?

У Талтала от гнева свело челюсти. ХунЮн собрался возразить, но всех опередила Хеджин. Она произнесла звонким голосом:

– Я готов!

Мужчины обернулись на её голос – Хеджин уже стояла около стола, разведя руки и ноги в стороны. Талтал молча

взял ножи и встал у обозначенной в пыли двора черты. Прямо посмотрел на Хеджин, но не ей в глаза, а сквозь неё. Потому что понял, если посмотрит, то не сможет бросить в неё нож. Или промахнётся…

Во дворе повисла гнетущая тишина.

– Остановись! Не надо! – хотел сказать принц, но успел произнести только первый слог.

Звук, появившийся в тишине, стал для Талтала сигналом к действию. Он методично начал метать ножи и не остановился, пока не использовал их все. Хеджин стояла, пригвождённая к мишени, и было не понятно, жива она или нет, так близко сверкали лезвия рядом с её телом. Только когда она шевельнулась, люди, собравшиеся во дворе, с облегчением выдохнули.

Хеджин сделала шаг вперёд, развернулась, спокойно вытащила ножи из деревянного стола и пошла по направлению к Талталу. А Талтал пошёл ей навстречу. На середине пути они встретились. Карие глаза Хеджин заглянули в карие глаза Талтала. Его глаза были такими тёмными, почти черными. Хеджин поняла, что Талтал сердится. Сердится на неё. Вздохнула, не смея даже вообразить, какое наказание ждёт её после того, как гости уедут. Что же делать? Она же не знала, что всё зайдёт так далеко…

А Талтал не сердился. Его сердце было полно ярости – Ловенсу! А ты не такой простой, как кажешься! Даже то, что ты друг Его высочества наследного принца не спасёт тебя от

моего гнева. Я глаз с тебя не спущу, Ловенсу! Не может такой завистливый и мстительный человек быть рядом с будущим императором. Ловенсу, ты мелок и жалок! Нашёл с кем сражаться! С тринадцатилетней девочкой! Только бы с ней всё было в порядке!

Талтал прислонился спиной к столу. Хеджин заняла место у черты. Посмотрела на Талтала. Он ей ободряюще улыбнулся. И Хеджин поняла, что кинуть в него ножи, глядя ему в глаза, не сможет. Пошла в сторону дома.

ХунЮн обрадовался – ну и что ж, что не довели соревнования до конца. Веселье ушло, превратившись в драму. И хорошо, что дело не дошло до трагедии. А Хеджин и так молодец!

Ловенсу не смог удержать внутри себя ехидную улыбку. Она выплыла наружу. Но заметил её только Талтал, потому что не спускал с него глаз. И тут улыбка сползла с Ловенсу, превратив его лицо в смятую маску. А мимо Талтала как будто лёгкий свежий ветерок пролетел. А потом свежесть усилилась. Потому что полы его танчжуана[20] разошлись в стороны. И Талтал понял, что это Хеджин срезала все его застёжки, метнув ножи сбоку.

ХунЮн едва уловил момент, когда Хеджин, уходящий поверженным с поля боя Хеджин, развернулся и метнул ножи, которые со свистом пронеслись мимо Талтала, и врезались в забор, создав чёткую вертикальную *идеальную* прямую линию. Принц ошарашено перевёл взгляд с забора обратно на

Талтала. Тот всё ещё стоял не шевелясь. ХунЮн в два шага оказался перед своим биньбэйцяньши. Может быть, ему нужна помощь? А когда увидел, что все застёжки с его танчжуана аккуратно срезаны, и при этом ни одна ниточка ткани не повреждена, расхохотался и от облегчения, и от восхищения. Прижал Талтала к себе и прошептал на ухо:

– Ты прекрасный учитель, Талтал!

Дальше соревнования решили не проводить. На самом деле, это принц принял единоличное решение. Талтал горел желанием увидеть позор Ловенсу как в метании ножей, так и в стрельбе дротиками. Хеджин соревнования стали не интересны. Своё самолюбие она удовлетворила, и уже жалела о том мгновении, когда поддалась искушению продемонстрировать своё мастерство. И всё больше трепетала от мысли, что *скажет* брат после отъезда гостей, и что *сделает* с ней дядя, когда узнает о случившемся.

[20] – куртка с воротником-стойкой, застегивающаяся спереди на пуговицы-лягушки (*из Википедии*)

6

Стол для гостей ломился от яств. Тарелки с готовыми блюдами и блюда с приготовленными ингредиентами, чтобы гости имели возможность составить блюдо сами, по своему вкусу, располагались вперемежку и в несколько ярусов. Тал-

тал остался доволен. «Интересно, – подумал он, – это заслуга служанок или отец научил этому Хеджин?»

– Позови Хеджин. Он заслужил сегодня сесть с нами за стол, – произнёс ХунЮн.

– Хеджин подойдёт ко времени чайной церемонии, – с поклоном ответил Талтал.

Принц не стал настаивать, понял, что мальчишке нужно немного остыть от произошедших событий, прийти в себя, привести и одежду, и мысли в порядок.

Стук палочек, негромкие разговоры, громкое чавканье[21] – всё говорило о том, что гостям пища нравится. Даже Ловенсу, хоть и сидел с непроницаемым видом, но, то и дело, нырял палочками то в одну, то в другую тарелку.

Обильная вкусная еда и питьё способствовали всеобщему благодушному настроению. Даже Ловенсу перестал казаться Талталу таким уж гадким. Но только он всё равно оставался в напряжении. Гости перестали докладывать еду в тарелки, а, значит, уже наелись. Приближалось время чайной церемонии, на которую Талтал велел выйти Хеджин в образе девушки.

Конечно, он мог бы разрешить остаться ей перед гостями мальчишкой, мог вообще запретить ей выходить из своей комнаты до отъезда гостей, но… Если он настроен занять высокий пост при Его высочестве наследном принце, а в будущем – Его величестве императоре Когурё, у него не должно быть никаких секретов. Секрет может стать оружием в ру-

ках врагов. Талтал ещё не решил – Ловенсу ему враг? Не друг точно, а над остальным ещё предстояло подумать. Потому Талтал и принял такое рискованное решение, которое может буквально сегодня перечеркнуть все его карьерные планы. Всё будет зависеть от того, как преображение Хеджин в девушку воспримет принц ХунЮн.

«Оденься подобающе. И проведи чайную церемонию», – сказал холодным тоном, глядя мимо неё, брат, и Хеджин не посмела его ослушаться. Она и так наворотила сегодня дел. Но, что сделано, то сделано. Осталось только ждать наказания и перенести его стойко.

«Как меня могут наказать?», – думала Хеджин, пока служанки одевали её в праздничные одежды, делали замысловатую причёску, вставляли в уши серьги, белили лицо, подводили глаза, красили губы. «Выпороть?.. Могут». Её никогда не били, так что, как это будет, Хеджин не знала. Будет больно, это точно, но боль она перетерпит. Обязательно перетерпит. «Выгонят из дома?.. Нет, дядя никогда так не сделает! Да и Талтал не допустит!» «Отправят в монастырь? Нет, мне же ещё нет четырнадцати». «Выдадут замуж? Тоже нет, ведь юэши[22] у меня ещё не было. Слава Будде! Вот это было бы наказание, так наказание! Особенно, если мужем будет кто-то, похожий на господина Ловенсу». «А если как господин ХунЮн? А что? Он весёлый, красивый! И с оружием обращается не плохо, но куда ему до Талтала!». По всему выхо-

дило, что вариантов наказания только два: окончательно запретят пользоваться оружием или её выпорют и всё равно запретят пользоваться оружием. Хеджин посмотрела на себя-девушку в зеркало, тяжко вздохнула, взяла поднос с чаем и на подгибающихся от страха ногах засеменила проводить чайную церемонию.

Едва она с подносом появилась в дверях зала, как разговоры мужчин смолкли, и три пары глаз уставились на неё. Темные, как черные ягоды гонжи, глаза Талтала заледенели и закрылись. Светло-карие, как кожура киви, глаза Ловенсу сузились до щёлочек. Карие, как спелая вишня, глаза ХунЮна, наоборот, распахнулись, увеличившись в два раза. Всего этого Хеджин не видела, поскольку смотрела в пол. Аккуратно поставила поднос на край стола, встала на колени и согнулась в поклоне, касаясь лбом пола.

– Я солгала вам. Простите меня! Или накажите меня!

– Хеджин, так ты девушка? – воскликнул ХунЮн и начал… хохотать.

Просто заливался смехом, раскачиваясь за столом то хлопая в ладоши, то ударяя ими по своим коленям. Сквозь смех прорывались фразы: «Надо же, девушка!»… «Нас девушка победила, Ловенсу!»… «Девушка!»… «Ай, да, названный «брат»!»… «А я-то решил Хеджин воином сделать!» и всё в том же духе. Когда принц отсмеялся, Хеджин всё ещё оставалась в согнутой позе, ведь ей ещё не вынесли приговора – помилуют или накажут?

– Встань, дитя! Я тебя прощаю! – произнёс первым принц.

– Храни Вас Небо, господин ХунЮн! – ответила Хеджин, но голову не подняла и с колен не встала, ведь остальные ещё не простили её.

Но куда им было деваться, если принц уже высказал своё мнение? Пришлось им тоже прощать.

– Храни Вас Небо, господин Ловенсу!

– Храни тебя Небо, брат!

Дальше чайная церемония пошла в соответствии с многовековыми традициями. Хеджин разливала чай и внимательно следила, чтобы у всех чашек не показывалось дно. Развлекала гостей игрой на саньсяне[23] и пением. Не ахти как играла, поскольку её рукам привычнее было держать лук и натягивать тетиву, а не зажимать гриф и нежно трогать струны. И не так уж райски пела, но её тонкий голосок приятно звучал, напоминая журчание прозрачного весеннего ручейка.

Но вот и чаю гости откушали, и Талтал приказал:

– Хеджин, принеси игры!

– Хеджин, – остановил девушку голос ХунЮна, – Ты умеешь играть?

– Умею, господин.

– Так же хорошо, как твой учитель? – лукаво поинтересовался принц.

Хеджин коротко взглянула на гостя – уколоть он её хочет? Насмехается над ней? Но – нет, взгляд ХунЮна был добрым, с веселыми искорками в глазах.

– В го и сянци я всегда проигрываю брату Талталу, а в пай-гоу иногда получается выиграть, господин.

– Тогда неси пай-гоу, – распорядился принц, совершенно забыв, что должен играть роль гостя, равного остальным, а не отдавать распоряжения, как хозяин, – Сыграем все вместе.

Началась игра скучно. Все вели себя сдержанно. Но потом азарт захватил всех, даже Хеджин, которая тоже, как и все мужчины, стала смеяться и вскрикивать во время игры. Успех сопутствовал то одному, то другому игроку, так что в итоге все пришли к примерно одинаковым результатам. День подошёл к вполне мирному концу.

Уезжая, Его высочество наследный принц империи Когурё ХунЮн сказал Талталу:

– Я забуду сегодняшний день. И ты забудь. Мне давно не было так весело, как сегодня.

«Что сказал? В чём смысл?», – Талтал не понял. Скорее почувствовал, что Его высочество не сердится ни на него, Талтала, ни на Хеджин. А, значит, можно надеяться, что плохих последствий не будет ни для него, ни для семьи.

Фразу эту слышал и Ловенсу. Вот он-то прекрасно понял принца. Только не понял, отказывался понимать, почему Его высочество так благоволит Талталу. Вот он, Ловенсу, уже десять лет верой и правдой служит Его высочеству, а он только в позапрошлом году приезжал посетить его родной дом, а к Талталу сам напросился уже на втором году знакомства. За

что Талталу такая милость? А в последнем сражении? Ведь это он, Ловенсу, собственноручно взял в плен вождя тюрок, а Его высочество предпочёл не заметить подвиг своего давнего соратника. Все лавры победителя достались Талталу. А это представление, которые устроили эти названные брат с сестрой? Столько унижений Ловенсу не претерпевал с самого детства! Да за такое… А Его высочество только усмехался. Да ещё и прямо сказал, что доволен приёмом, и девчонку эту, Хеджин, велел не наказывать. Так кто после этого Его высочеству Талтал? На какую должность он его прочит? Ловенсу понадобилось десять лет, чтобы вскарабкаться на ту высоту, на которую Талтал взлетел за два года. И кто теперь Талтал для Ловенсу? Однозначно, враг!

ХунЮн думал о Хеджин. «Ведь готовая императрица!» Красивая, умная, воспитанная. Играет на музыкальных инструментах, поёт. Грамотная, что большая редкость среди женщин – ведь в пай-гоу не сыграешь, если не обучен счёту (чтобы проверить это, он и предложил всем вместе сыграть именно в эту игру). «Или готовый начальник охраны!», – развеселился ХунЮн, вспомнив, как Хеджин ловко обращалась с оружием.

ХунЮн думал о Талтале. Волевой, спокойный, уравновешенный, умный, немногословный. Смелый. В совершенстве владеет почти всеми видами оружия. Военный с головы до пят. Готовый главнокомандующий всех войск империи. В

будущем, конечно. Возможно… Верный, преданный? Пока трудно сказать. Скорее – да, чем нет. Время покажет. Прямолинеен. Слишком правильный для гудящего от интриг императорского двора. Ум есть, а вот хитрости ни на фэнь[24]. Не то, что у Ловенсу, у которого хитрости в избытке. Готовый канцлер империи Когурё. Тоже в будущем, конечно. И тоже, возможно.

ХунЮн в своей оценке окружающих его людей, в своих решениях приближать кого-либо к своей особе или держать на расстоянии, руководствовался советами своего отца, императора ХёнКи[25]. Да благословит Его величество Небо! Да дарует Его величеству Будда долгих лет жизни! А отец говорил ХунЮну, что даже самый ничтожный человек может оказаться полезным, если правильно его использовать, знать, куда приложить то немногое, чем он обладает. И в чёрном есть белое. И в белом есть чёрное.

Потому и держал ХунЮн при себе хитреца и завистника Ловенсу. Потому и приближал к себе слишком прямолинейного и бесхитростного Талтала. Как дорогие жемчужины нанизывал на нить ожерелья *своей* власти *своих* людей. На которых когда-нибудь, когда завершится земной путь его отца, императора ХёнКи, и того призовёт к себе Небесный Император – Тяньди, он, ХунЮн, будет опираться, заменяя постепенно и медленно сенаторов так, чтобы они сами этого не замечали. И это была ещё одна мудрость, которой отец с ним поделился.

[21] – в когурейской бытовой культуре существует культ еды. По мнению когурейцев, если человек неправильно ест, это не только ухудшает вкусовые качества блюда, но и снижает полезность продукта. Чавканье для когурейцев хороший тон, причем, чем громче, тем лучше! Это указывает на то, что еда вкусная и гость доволен застольем! А вкусная пища всегда полезна, считают когурейцы (в соответствии с их понятиями о внутренней гармонии), в отличие от европейцев, считающих, что вкусная пища всегда вредна. Когурейцы же уверены, что в природе съедобно всё, надо просто знать, как это правильно приготовить.

[22] – так в Когурё называли менструации, что в переводе означает «дела месяца» или «лунные дела». А ещё говорили – «тётушка пришла» и «те самые дни».

[23] – древний струнный щипковый музыкальный инструмент с длинным грифом и тремя струнами.

[24] – самая мелкая монета Когурё. 1 цзяо = 10 фэнь, 1 юань = 100 фэнь.

[25] – в переводе – «мудрый»

7

ВонШик очень обрадовался приезду сына. Ведь два года не виделись. Талтал возмужал, повзрослел, и отец решил-

ся заговорить с ним о том, что не отпускало мысли ВонШика последние несколько месяцев – о женитьбе сына. Доводы привёл те же, что и Талтал, когда выбирал себе награду за достижения на поле боя – судьба воина не предсказуема, чей-то меткий выстрел или ловкий удар в любой момент могут оборвать его жизнь. Только если Талтал мечтал просто увидеться с родными, то рассуждения отца шли гораздо дальше – выбрать жену, сыграть свадьбу, создать семью, родить ребёнка, чтобы не зачах, продолжился их род Ким[26].

Талтал поразился сходству мыслей с отцовскими и согласился. Целый месяц отпуска впереди позволял и свадьбу сыграть, и, дай Будда, зачать ребёнка, поскольку отец уже и четырёх кандидаток в жёны Талталу подобрал. Тому оставалось только выбрать среди них.

День возвращения дяди, Хеджин провела в своей комнате. Выходила, только когда её звали. И каждый раз дрожала от мысли, что за этим последует. Но день прошёл, а наказания так и не было. Дядя даже заботливо поинтересовался – не заболела ли она, удивившись, какая сегодня тихая его обычно непоседливая дочь.

Хеджин коротко взглянула на брата – Талтал с застывшим лицом смотрел в сторону. «Он ничего не сказал дяде!», – обрадовалась Хеджин. Чтобы удостовериться в своей догадке, подступила с расспросами к Ёне. Тот, не глядя ей в глаза и переминаясь с ноги на ногу, пробормотал, что, мол, го-

сти были, приёмом остались довольны, вкусно поели-попили, музыку послушали, в игры поиграли, уехали. А больше ничего и не было.

И к Хеджин вернулось её жизнерадостное настроение. Если бы ещё улучить момент, чтобы поблагодарить Талтала. Но момент никак не подворачивался. Брат то о чем-то важном подолгу разговаривал с отцом, то занимался чтением и просил его не беспокоить, то упражнялся во дворе с цзянем и копьём. Хеджин поняла, что он ещё сердит на неё, и потому сам создаёт препятствия для их общения. Ну, ничего! Когда-нибудь же он её простит! Не будет же дуться весь месяц отпуска. Только вот потренироваться вместе с ним у неё уже никогда не будет возможности… Эх!

Талтал видел, как сестрёнка целый день дрожала от страха. Ничего! Пусть помучается! Это лишь малая доля того наказания, что она заслуживает. И на то, что весёлость её вернулась, обратил внимание. И попытки подойти к нему, поговорить, и жадные взгляды Хеджин на его занятия с оружием тоже заметил. Жалко её стало. Может, ей хватит этого урока? Не будет же он делать вид, что сердится на неё, весь отпуск? Да и поделиться с сестрой теми важными изменениями, которые вскоре предстоят ему в жизни, очень хотелось.

Хеджин очень обрадовалась, когда брат сам подошёл к ней и предложил прогулку на лошадях. Это было такое сча-

стье! Они скакали наперегонки, а потом долго гуляли по берегу моря, взявшись за руки.

На следующий день прогулка повторилась. Талтал даже захватил с собой деревянные мечи, и они славно поупражнялись. Рубка с братом не шла ни в какое сравнение с тренировкой с Ёной. Её и тренировкой-то не назовёшь, так, детские игры.

Поделился брат с Хеджин и планами найти себе жену. Планы, правда, были не его, а отца, но Талтал был с ними согласен. Поначалу, известие острой иглой вонзилось в сердце Хеджин, но потом они так весело обсуждали с братом кандидаток, он даже их нарисованные портреты ей показывал, что она беспокоиться перестала. Восприняла как игру. А зря… Талтал как-то всё больше стал задумываться, уходить в себя, отдаляться от Хеджин. Перестал шутить с ней по поводу женитьбы. «Да какие тут шутки!», – пронзила её мысль. «Талтал влюбился!», – поняла она. Брат, действительно, скоро женится. В их доме появится ещё одна женщина. И она будет главнее её, Хеджин. И в доме. И в жизни Талтала. И в его сердце…

Ни одна из претенденток в жены не тронула сердце Талтала. Разум склонял выбрать Джехву[27] из рода Ан[28]. В другое время он бы не посмел даже задумываться о том, чтобы взять жену из такого богатого и знатного рода, стоящего на несколько ступенек выше их рода Ким. Но всё меняется

в этом подлунном мире. Отец убедил его, что сейчас отец Джехвы будет рад породниться с ними. Семья Ан всё также богата, но утратила своё влияние при императорском дворе. А вот положение Талтала столь изменилось, столько дорог перед ним открылось, что, насколько он богат, стало не важно.

А сердце шептало: не поторопился ли он с принятием предложения отца? Жена, она ведь на всю жизнь. Это император или знатные вельможи могут позволить себе не одну жену и кучу наложниц, с кем удовлетворят своё сердце в потребности любить. Ему такое не доступно.

Вот об этом всё больше задумывался Талтал, уходя в себя.

У Хеджин так болело сердце, что она не могла дышать. А когда представляла другую женщину рядом с Талталом за свадебным столом, когда, как воочию, слышала их клятвы друг другу, у неё вообще сердце останавливалось. Она поняла, что не сможет перенести картину даже приезда свадебной процессии нареченной Талтала. Умрёт. «Что же со мной такое?», – думала Хеджин.

Думала-думала. И поняла – она любит Талтала! *Не как брата* любит. И что ей делать с этой любовью? Как уместить такую большую любовь в своём маленьком глупом сердце? Ведь не выдержит оно, разорвётся. И засобиралась в дорогу. Придумала отправиться в монастырь, помолиться Будде. За счастливое будущее брата.

ВонШик и Талтал, занятые переговорами с семьёй невесты, от Хеджин только отмахнулись. Хочет ехать, пусть едет, тем более что к свадьбе обещала вернуться. Хеджин же знала, что никогда она уже не вернётся в родной дом. Надеялась упросить монахинь оставить её в монастыре, ведь до её четырнадцатилетия осталось не так уж много времени. А, если откажут, будет переходить от монастыря к монастырю, так время и пройдёт, или найдутся те, кто её приютит.

С собой взяла только Ёну и одну служанку. Чем дальше удалялась от дома, тем хуже, слабее себя чувствовала. Как будто оставила позади себя живительный источник влаги и всё больше испытывала муки жажды.

И вот настал день, когда небольшой отряд из трёх человек вынужден был прервать своё движение. У Хеджин началась горячка. Она металась по кровати в небольшой комнатушке на постоялом дворе, плавилась от жара и обливалась потом. На последние деньги, что были с собой у хозяйки, Ёна притащил к Хеджин лекаря. Лекарь то ли оказался шарлатаном, то ли, действительно, столкнулся с неизвестной болезнью, но помочь ничем не смог.

Ёна посидел, подумал и решил вернуться домой. Позвать подмогу. Один. Один на лошади он доскачет намного быстрее, чем если они будут тащиться обратно все вместе. На постоялом дворе они уже задолжали, их грозились отправить под суд. Можно было, конечно, расплатиться украшениями хозяйки и отправиться обратно всё-таки вместе. Но это бу-

дет медленно, а ну как хозяйка умрёт? Что ему тогда скажет господин ВонШик? Что с ним сделает господин Талтал? А так, уезжал, хозяйка ещё жива была. А что с ней будет, когда подоспеет помощь – на то воля Будды.

Со свадьбой дело не заладилось. Представители семей никак не могли согласовать приданое невесты и подарки семей друг другу. А тут новая напасть – влетел во двор на взмыленном коне Ёна и сообщил, что Хеджин чуть ли не умирает. Талтал как услышал эту новость, чуть с ума не сошёл. Вскочил на коня и умчался как ветер.

Нашёл любимую сестрёнку на грязном постоялом дворе, расплатился с ушлым хозяином этого гадюшника, забрал украшения Хеджин, которые служанка была вынуждена отдать в залог, чтобы их не вышвырнули на улицу. И довёз свою драгоценную ношу домой в целости и сохранности.

Хеджин в дороге вроде как даже лучше стало. И жар немного спал. И слова, которые она говорила в бреду, стали более отчётливы. Не были уже похожи на бессмысленные выкрики. Так Талтал и услышал, что тоскует сестрёнка по какому-то своему возлюбленному. Имени его не называла, но то, что плачет по нему, было понятно. И что за возлюбленный? Когда успела влюбиться? В кого?

Процесс подготовки к свадьбе из-за болезни Хеджин застопорился, а потом и вовсе был отложен до лучших времён. Талтал получил распоряжение принца прервать отпуск

и явиться в расположение его войска в кратчайшие сроки. Ох, какое он испытал облегчение! Уезжал из дома с лёгким сердцем – жениться, значит, не судьба в этот раз, и хорошо. Хеджин уже пошла на поправку. Поговорить с ней по душам, в кого это она так влюбилась, что даже заболела, хоть и не получилось, но переживать об этом Талтал не собирался. Сестра ещё ребёнок, мало ли какую блажь приняла за любовь по малолетству. Перерастёт. То, что ей уже 13 лет, и она вот-вот войдёт в детородный возраст, а, следовательно, может выйти замуж, Талталу, с высоты его восемнадцати в голову не пришло. Его голова была занята предстоящими сражениями.

[26] – в переводе – «металл, золото, железо»

[27] – в переводе – «уважение и красота, та, которая богата»

[28] – в переводе – «спокойствие и порядок внутри»

8

Отец, как человек почтенного возраста, письмам не доверял. Писал редко. За полгода отсутствия Талтала дома прислал только два. В первом уведомил сына, что сестра выздоровела. И что к ней «тётушка приходила». Видимо с этим и связана была её болезнь. Талтал сначала даже не понял, что за тётушка? Насколько он знал, родни у них больше не было. Только потом догадался, что сестра созрела телом, у неё

случились «те самые дни». Переговоры о свадьбе с Джехвой обе семьи согласились перенести на год. «Видимо, хотят убедиться в прочности положения будущего зятя при императорском дворе», – понял Талтал.

Сегодняшнее письмо Талтал открывал с предвкушением радости. Но… Нет, радость-то в письме была. Отец с гордостью сообщал сыну, что получил распоряжение из канцелярии Его величества императора ХёнКи отправить Хеджин на смотрины во дворец для гарема Его высочества наследного принца ХунЮна. И сейчас они занимаются приготовлением, чтобы через две недели отправиться в путь.

Радость отца оказала противоположное действие на сына. Он как будто сошёл с ума. С яростью скомкал письмо, вылетел из палатки, вскочил на коня и помчался как ветер.

Ловенсу вышел подышать перед сном свежим воздухом, полюбоваться на звёздное небо. Он с удивлением увидел, как Талтал выскочил из палатки, как будто за ним гнались сто демонов, пытающихся затащить его в Ад. «Что это с ним?», – задумался Ловенсу. Если получил известие о нападении врагов, то созвал бы совет или поднял войска по тревоге, а он один на коне умчался. И Ловенсу решил заглянуть в палатку Талтала.

Армейский порядок палатки нарушал только скомканный клочок бумаги. Ловенсу поднял его с пола, разгладил и прочёл. То, что прочёл, очень Ловенсу не понравилось. Неужели

эта дерзкая и невоспитанная девчонка, сестра Талтала, заинтересовала принца, а он, Ловенсу, этого не заметил, занятый собой? В любом случае, её присутствие в гареме принца, даже в качестве наложницы, а не жены, ему не на руку, поскольку будет способствовать укреплению позиций Талтала. Тот и так уже взлетел до чжихуэй[29], куда уж дальше? До цзянцзюня[30], что ли? Ну, уж, нет! Ловенсу обязательно этому должен помешать!

Ловенсу пораскинул мозгами и чуть не расхохотался от открывшихся ему перспектив. Он же из этой ситуации может одним выстрелом двух зайцев убить! И Ловенсу отправил двух гонцов в разные стороны. Одного к принцу с донесением, что чжихуэй Талтал самовольно покинул расположение войска Его высочества. А второе – к верным людям с распоряжением не допустить, чтобы Хеджин из рода Ким доехала до дворца.

Весьма довольный собой, Ловенсу вернулся к себе в палатку, и тут его как будто что-то в спину толкнуло. И он распечатал письмо от своего отца, которое тоже получил сегодня.

Обычно, Ловенсу письма от родни читал от случая к случаю. Что там можно было увидеть, кроме жалоб на нехватку денег и просьб устроить то одного, что другого родственника на службу во дворец? Деньги он и так им посылал. Столько, сколько мог. Они же совершенно не понимают, сколько нужно средств, чтобы достойно одеваться и экипироваться при

дворце. А ещё содержать приличный дом и хорошо питаться. К просьбам об устройстве на службу очередного родственника возвращался, когда ему самому был нужен надёжный человек в нужном месте.

«Какой сегодня счастливый день! Благодарю Небо за оказанные благоденствия!», – воскликнул про себя Ловенсу, когда прочёл последнее письмо. Его отец сообщал, что их племянница, луноокая Соа[31], отправляется в дорогу по распоряжению, полученному из канцелярии Его величества императора ХёнКи, на смотрины во дворец для гарема Его высочества наследного принца ХунЮна.

Холодный ночной ветер, бьющий в лицо мчащемуся Талталу, охладил его разум. «Что я делаю?!?», – воскликнул он про себя и резко остановил коня. Конь взвился на дыбы и чуть не свалил всадника наземь. Талтал прилёг на холку своего верного боевого коня, успокоил его и спешился.

Сел на землю, закрыл глаза, открыл себя Небу. «Что я делаю? – ещё раз спросил себя Талтал, – Почему так среагировал? Ведь это же честь для нашего рода, если Хеджин станет наложницей в гареме Его высочества, не говоря уже, если он возьмёт её в жёны». «А она? Не влюбилась ли она в принца? Не по нему ли, возлюбленному, тосковала? Не его ли звала в горячечном бреду?»

Последняя мысль болью отозвалась в сердце Талтала. Под его закрытыми веками стали возникать картины. Вот горя-

щее радостью лицо Хеджин, когда она неслась к нему через двор с криком: «Брат!!!» Вот полное отваги и веры в него, Талтала, лицо Хеджин, когда она стояла с раскинутыми в стороны руками и ногами, и ждала его смертоносных замахов ножами. Вот бледное от страха лицо Хеджин, когда он велел ей выйти к гостям в облике девушки. Вот её тонкие пальчики, нежно щиплющие струны саньсяня. Вот слышится её нежный голосок, напоминающий журчание прозрачного весеннего ручейка.

«Кто у нас не слыхал
О красавице нежной Ло Фу?

Как однажды она
Обрывала с деревьев листву?

Белоснежные руки
Сияли в зеленых ветвях.

И полдневное солнце
Горело у ней на щеках.

«Сударь! незачем тут
Останавливать быстрых коней —

Мне пора уходить,

Накормить шелковичных червей».[32]

Вот её горящее от азарта лицо, когда они наперегонки мчались на лошадях. Вот её сосредоточенное лицо, когда она пытается противостоять ему в битве на деревянных мечах. Вот её тёплая ладошка в его руке, когда они гуляли по берегу моря. Вот её горящее, красное от жара лицо, полное муки, когда она металась в бреду…

И все эти лица сливаются в одно, такое родное, такое любимое лицо Хеджин, прекрасное в любое время. «Любимое»? Он подумал о ней «любимая»?.. Да! «Я люблю Хеджин!», – понял Талтал. *Не любовью брата…* Но это *его* чувства к ней, а не *её* к нему. Так какое он имеет право мешать её предначертанному судьбой пути?

И Талтал закрыл своё сердце на замок, застегнул душу на все застёжки, возвысил свой дух, сел на коня и поскакал назад.

Утром Ловенсу с ужасом увидел Талтала, выходящего из своей палатки. Но догнать гонца, отправленного к принцу с донесением, уже не было никакой возможности. «Ну и что?», – попытался успокоить себя Ловенсу. Если Его высочество будет проводить дознание, он оправдает свой поступок излишним рвением. Ведь это не преступление! «В следующий раз надо быть осторожнее», – сделал себе зарубку на память Ловенсу.

[29] – название должности командующего войсками округа

[30] – главнокомандующий армии империи Когурё

[31] – в переводе – «благоприятная, бутон, красота»

[32] – стихи китайского поэта VIII века Ли Бо

9

Никакого дознания принц ХунЮн проводить не собирался. Удивился только, что с донесением о Талтале прискакал гонец от Ловенсу, а не от соглядатая за его чжихуэем.

Соглядатаи были у принца за всеми – и за друзьями, и за врагами. А как иначе будешь знать подлинную картину? Ведь в голову никому не влезешь. Так принц сделал по наущению своего отца – императора ХёнКи, не допустившего за долгие годы своего правления, благодаря этой тактике, ни одного удавшегося заговора. Да благословит Его величество Небо! Да дарует Его величеству Будда долгих лет жизни!

И тактике не принимать быстрых решений, выждать какое-то время, принца тоже научил его отец. Уже через три дня с юга Когурё поступило донесение об очередной победе над врагом войска Его высочества *под предводительством* славного *чжихуэя Талтала*. И ХунЮн выбросил из головы донесение от Ловенсу. Но не в мусорный мешок, а в дальний ящик своей памяти. Когда-нибудь да эта информация при-

годится.

А в данный момент принца больше волновал вопрос – почему во дворец до сих пор не прибыла Хеджин? Обозначенный срок ещё не наступил, но было странно, что все кандидатки, даже из самых дальних провинций Когурё, уже поспешили явиться, а её ещё нет. А ведь благодарственное письмо от отца Талтала господина ВонШика прибыло одним из первых…

Его высочество наследный принц империи Когурё ХунЮн очень тщательно подбирал свой гарем. Только начальный его состав был сформирован его отцом – Его величеством императором ХёнКи. Тогда ХунЮн ещё не понимал значение гарема, не знал, какое влияние может оказать женщина на мужчину, какое влияние семья женщины может оказать через неё на принца и императора, а, значит, и на всю империю.

Только когда он сам поинтересовался у отца, почему все наложницы его гарема так намного его старше, отец раскрыл ему роль жен и наложниц гарема. До остального принц дошёл своим умом, узнав, кто из какой семьи, увидев нити сдерживания и противовесов, которыми его отец оплёл сановников из Совета. Чтобы никого не обидеть, не нажить себе врагов. А некоторых, наоборот, усмирить, держа их дочерей и племянниц в гареме в качестве, практически, заложниц.

Почти десять лет гарем принца не пополнялся. По его нижайшей просьбе к Его величеству императору Когурё. И вот, когда у принца вызрел план, кого ему нужно добавить в гарем, что-то пошло не так. А так всё удачно складывалось!

У Талтала и Ловенсу, которых принц и дальше рассчитывал держать близко к себе, опираться на военный талант одного и ловкий ум другого, когда он сам станет императором, обнаружились сестра названная и сестра двоюродная. Обе – молоденькие девушки, только вступившие в детородный возраст. Обе – красавицы.

Дочери двух сановников из Совета потребовались принцу в гареме, чтобы через них получше узнать их отцов. Те были единственными, кого принц планировал оставить в Совете при своей персоне. Кроме того, десять лет назад, когда формировался гарем, они не были столь влиятельными как сейчас, из их семей никто тогда не попал в наложницы. Эту несправедливость надо было исправить.

Ещё одной кандидаткой в гарем была дочь канцлера, но не старшая, которая рассчитывала сразу прыгнуть в жёны принца, а младшая. Как ни уговаривал отец, что лучше не брать никого из дочерей канцлера, чем перепрыгивать через старшую, но ХунЮн впервые с ним не согласился. Выслушав доводы принца, Его величество император ХёнКи, принял сторону сына. Согласился и, скрипя зубами, канцлер, не решившись отказать императору. И впервые подумал о том, что принц, не смотря на свой внешне веселый и легкомыслен-

ный нрав, может оказаться не глупой ящеркой, а свирепым драконом. И когти свои дракончик уже продемонстрировал.

Шестой кандидаткой в гарем была сестра вождя Торгового клана, единственных поставщиков императорского двора. Девушкой была уже не юной. Ей исполнилось 22 года. В силу своего социального положения на роль жены и, тем более, императрицы, претендовать не могла. Но смогла зажечь огонь желания в теле принца своими миндалевидными, *заигрывающими*, лукавыми глазками. Всеми своими наложницами принц уже пресытился, а потому посчитал, что самое время побаловать себя новыми, неизведанными, любовными утехами.

Никого из кандидаток принц не хотел брать в жёны сразу. Даже в наложницы собирался выбрать только по прошествии года. Именно поэтому почти все кандидатки, кроме одной, были девушками, едва вступившими в детородный возраст. По отношению к ним законы Когурё позволяли принцу в течение года знакомиться с кандидатками и только потом принимать решение. Если кто-то из них тронет его сердце при более близком знакомстве и окажется достойным его внимания, их можно будет перевести в наложницы или сделать женами. Остальные возвращались в семьи или отправлялись в монастырь.

Эта шестёрка создавала устойчивую конструкцию, с какой стороны ни посмотри. Все нити сдерживания и противовесов находились в идеальной гармонии. Всё могло разру-

шиться без любого элемента. И Его высочество наследный принц ХунЮн отправил своего приближённого слугу Бэкхёна[33] разобраться в ситуации с Хеджин.

Бэкхён не стал напрямую стучаться в ворота семьи кандидатки в гарем. Остановился на постоялом дворе окраины городка, где жила родня чжихуэя Талтала. И здесь ему сопутствовала удача. На устах у всех посетителей едальни при постоялом дворе только и было разговоров о том пире, что закатил господин ВонШик в честь отправки своей названной дочери в гарем Его высочества. Количество дней пира разнилось – от трёх до недели. Но все сходились во мнении о щедрости господина ВонШика, напоившего и накормившего досыта не только знатных гостей, приглашённых в дом, но и простой люд на площадях и базарах.

Бэкхён понял, что девушку уже давно отправили во дворец, и что, вероятнее всего, что-то случилось по дороге. А потому обратно Бэкхён возвращался не торопясь. Внимательно осматривал придорожные кусты и даже углублялся в лес.

Его рвение было вознаграждено. Он обнаружил костёр с обуглившимися досками от кареты. И две свежие ямы, засыпанными камнями и укрытыми листьями. Сбив руки до крови, Бэкхён разбросал камни и обнаружил в одной из ям трупы четырёх мужчин, а в другой – труп девушки. Судя по одежде, это были слуги. Трупа госпожи среди убитых не бы-

ло.

Бэкхён расширил круг поисков, но ничего нового обнаружить не удалось. Значит, была надежда, что ту, кого ждал Его высочество наследный принц ХунЮн, похитили, а не убили. Кто же посмел такое сделать? Впрочем, лихих людей в империи Когурё хватало. Одни работорговцы чего стоили! Хватали всех, кто зазевался или путешествовал с малой охраной, и исчезали также внезапно, как и появлялись.

Бэкхён ещё покружил. Отметил направление, куда, как ему показалось, ускакали разбойники. Засыпал погребальные ямы. Помолился Будде о душах умерших. Прихватил более-менее целую доску из костра. И во весь опор помчался во дворец.

Вести о Хеджин весьма огорчили принца. Славная девушка. Будет жаль, если она уже мертва. Но была какая-то странность в этом происшествии. Работорговцы редко нападали на богатые кареты с целью убить всех, чтобы поживиться. Если они видели в карете господина или госпожу, то, как правило, брали их в плен, а потом требовали выкуп с семьи. Прибыль от такой сделки была, обычно, в разы больше, чем при грабеже. Но по всему выходило, что семья господина ВонШика ещё не знает, что Хеджин не доехала до столицы. Если только… Если только Хеджин не начала сопротивляться. И её, всё-таки, убили, но где-то дальше.

Что порадовало принца ХунЮна во всей этой истории,

так это нечаянное обретение в лице Бэкхёна не только исполнительного слуги, но и сообразительного и ловкого малого. ХунЮн велел Бэкхёну сколотить отряд из тех, кому он сам доверяет безоговорочно, и за кого будет отвечать головой, и отправиться по следам похитителей Хеджин куда бы они не привели. А ещё провозгласил, что отныне Бэкхён будет докладывать ему лично, и никто, даже комар в саду дворца, не должен узнать о ситуации с Хеджин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.